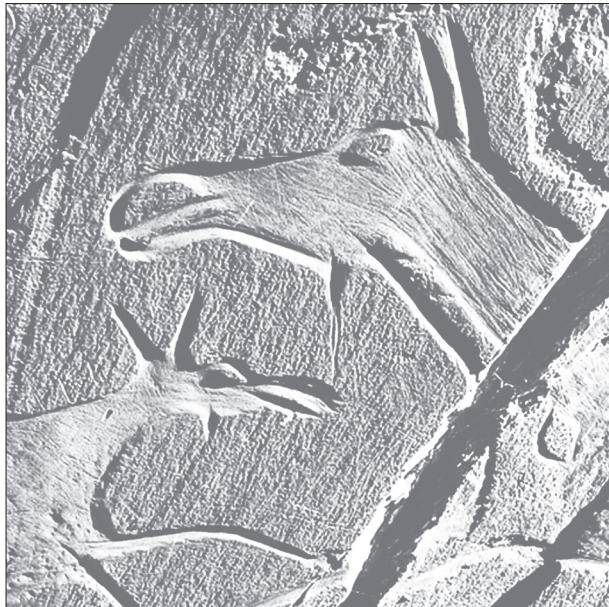

Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»

Transactions of the “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve

Выпуск 20 Volume

2024

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические и междисциплинарные исследования

Зубков В. С., Поселянин А. И.

Охранные раскопки в Аскизской степи: могильник Бельтырский-7 5

Ковтун И. В.

Персонажи с лучезарным ореолом эпохи ранней/
начала развитой бронзы Южной Сибири (часть III) 27

Король Г. Г., Миклашевич Е. А., Сапрыкина И. А.,

Добровольская М. В., Конькова Л. В., Бове Л. Л.

Ритуальный (?) археологический памятник эпохи средневековья
(случайная находка на Енисее) 45

Леванова Е. С., Мухарева А. Н.

Новые петроглифы на реке Пегтымель 54

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л.

Новая группа поверхностей с наскальными изображениями
на местонахождении Усть-Туба III 67

Онищенко С. С., Горяев В. С., Бибик Е. В.

Остеологическая коллекция кургана 14 могильника Танай-7:
зооархеологические реалии 89

Рогожинский А. Е.

Памятники кочевников древнетюркского периода в Семиречье 104

Русакова И. Д.

К вопросу об использовании статуарных объектов окуневской культуры
при сооружении тагарских курганов 119

Архивные изыскания

Добжанский В. Н.

Черкасы «саайдашново выезду» в Московском государстве
в 1618–1619 годах (по документам разрядного приказа РГАДА): часть II 138

Орлова Е. А.

Русские старожилы Притомья: служилые люди и
крестьяне Червевы в XVII – первой половине XVIII века 171

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПЕРИОДА В СЕМИРЕЧЬЕ

A. E. Рогожинский

Историко-культурный и природный музей-заповедник «Тамгалы»

Памяти археолога Казахстана
Айман Досымбаевой (1954–2024)

В статье даётся краткая характеристика известных памятников раннесредневековых кочевников Юго-Восточного Казахстана, рассматриваются вопросы их типологии и локализации, состояния изученности. Выделяются недвижимые памятники следующих категорий: курганные могильники; культовые мемориалы – поминальные каменные ограды и насыпи с изваяниями, стелами, балбалами, а также монументальные сооружения кочевой элиты; поселения и сезонные стоянки; наскальные изображения и тамга-петроглифы; древнетюркская руническая эпиграфика. Сообщается о ранее не известных монументальных памятниках «хаганско-княжеского» типа, обнаруженных в долине Шалкоде в горах Кетмень. Определяются перспективы дальнейших комплексных исследований памятников древнетюркского периода в регионе.

Ключевые слова: Семиречье, Средневековье, курган, культовое сооружение, каменное изваяние, тамга, петроглиф

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE OLD TURKIC PERIOD IN SEMIRECHYE

A. E. Rogozhinskiy

Historical, cultural and natural Museum-reserve “Tamgaly”

The article provides a brief overview of the known archaeological sites of early medieval nomads in Southeast Kazakhstan and discusses issues of their typology, localization, and the level of knowledge. The author distinguishes immovable archaeological sites of the following categories: burial mounds; cult memorials – stone fences and mounds with sculptures, steles, balbals, as well as monumental structures of the nomadic elite; settlements and seasonal stations; rock art and tamga-petroglyphs; old Turkic runic epigraphy. Previously unknown sites of the “khagan-princely” type found in the Shalkode Valley in the Ketmen Mountains are reported. The paper outlines prospects for further comprehensive research of the archaeological sites from the Old Turkic period in the region

Keywords: Semirechye, Middle Ages, burial mound, cult structure, stone statue, tamga, petroglyph

*Статья подготовлена при поддержке проекта № 748715Ф.99.1. ББ97АА00002
«Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности»*

Введение

Предлагаемый ниже обзор требует вводного пояснения об историко-географических границах рассматриваемой территории, расположенной на юго-востоке Казахстана (рис. 1).

Естественные границы региона очерчиваются южным побережьем Балхаша, Алакольской впадиной на севере, хребтом

Джунгарский (Жетысуский) Алатау на юго-востоке и хребтами Северного Тянь-Шаня на юге; Чу-Илийские горы, простираясь от Северного Тянь-Шаня до оз. Балхаш, служат на западе границей всей области, которая часто называется Семиречьем или Жетысу [Историко-культурный атлас, 2011, с. 12]. Автором установлено, что термин «Жетысу» возник в последней четверти

XVIII в. как название участка торгового маршрута вдоль северо-западных отрогов Джунгарского Алатау, затруднённого перевалами через семь бурных рек – Лепсы, Баскан, Саркан, Аксу, Буйен, Карагат и Коксу [Рогожинский, 2021]. В первой четверти XIX столетия, претерпев ряд языковых трансформаций («Семь рек» – «Семирек» – «Семиречен»), этот узкоспециальный купеческий термин превратился в макротопоним «Семиречье» или «Семиреченский край». В казахском фольклоре и литературе топоним «Жетысу» появился не ранее последней трети XIX в. как лингвистическая калька административного названия Семиреченской области, основанной в 1867 г., причём точного и общепринятого территориально-географического значения термин не приобрёл [Рогожинский, Калдыбаева, 2024а]. В настоящее время историческая область Семиречье соотносится с территорией трёх административных областей Казахстана: Жетысуской (образована в 2022 г.), Алматинской и двух восточных районов Жамбылской области – Кордайского и Шуского.

В древнетюркский период земли Семиречья, смежные области Южного Казахстана

на и Внутреннего Тянь-Шаня (Кыргызстан) последовательно входили в состав Тюркского, Западного Тюркского и Тюргешского каганатов, объединений карлуков и огузов, а затем государства Караканидов. Притягательность данной территории для nomadov объясняется, во-первых, особенно благоприятными для кочевого скотоводства экологическими условиями горно-степных ландшафтов Притяньшаня; во-вторых, существованием здесь сложившейся уже к VII в. логистической цепочки международной караванной торговли, звеня которой первоначально составляли городские поселения Северного Прииссыккулья, верховьев рек Чу и Талас, а также предгорной зоны Кыргызского Алатау – Чу-Таласского междуречья. Не ранее IX в. формируется новый район урбанизации Семиречья – в среднем течении р. Или, где вдоль подножия Заилийского Алатау и хребта Кетмень возникает цепь укреплённых поселений и городов, линия которых отмечает кратчайший и наиболее удобный магистральный путь к оазисам Восточного Туркестана [Байпаков, 1968, с. 81–83]. Рост урбанизации в IX–X вв. и последующий расцвет городской культуры в XI–XII вв., распространя-

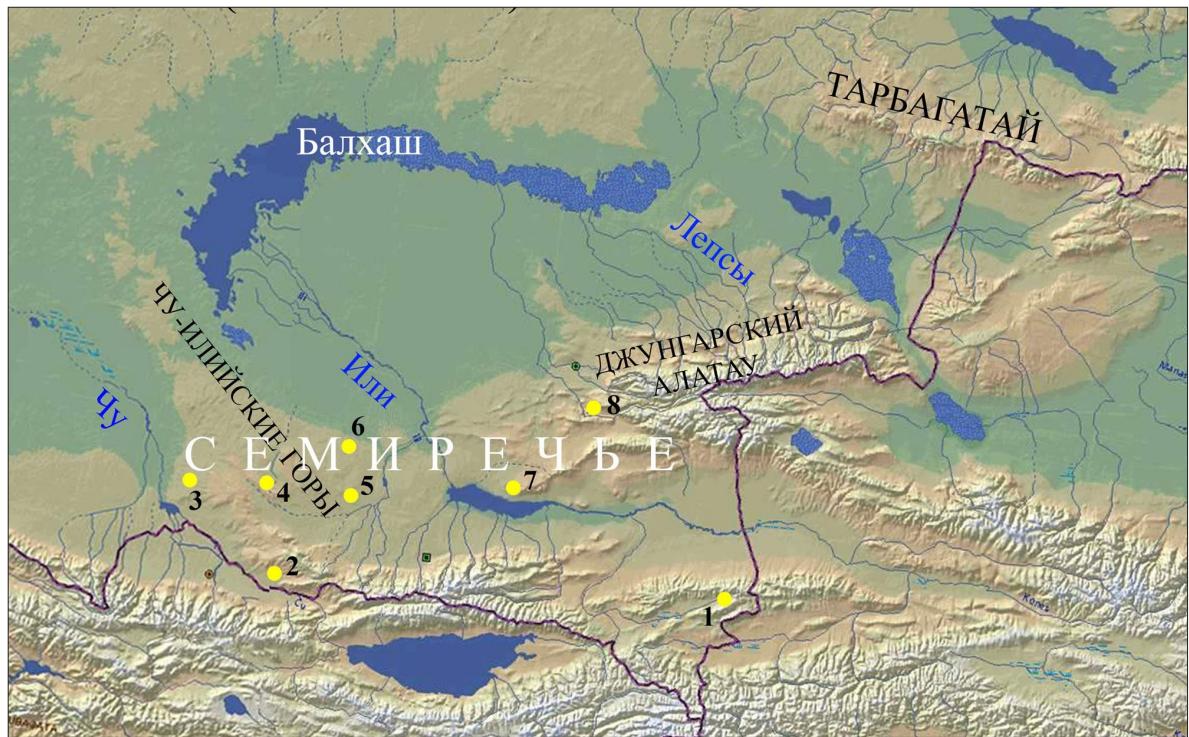

Рис. 1. Памятники Семиречья: 1 – Шалкоде; 2 – Тоспалы; 3 – Жайсан (горы Киндыктас); 4 – Кулжабасы; 5 – Алмалы; 6 – Когалы; 7 – Архарлы; 8 – Ешиколмес

нившейся до северных предгорий Джунгарского Алатау (вероятно, именно тогда сложилась северная ветвь торгового пути, название которой «Жетысу» зафиксировано в источниках конца XVIII в., но не известно для средневековья [Бартольд, 1963, с. 320]), знаменуют окончание эпохи древнетюркских государственных образований на юго-востоке Казахстана.

Таким образом, в древнетюркский период содержание социально-политического и этнокультурного развития в Семиречье во многом определялось сосуществованием и тесным взаимодействием в рамках единой государственности и территории неоднородных групп населения, представлявших разные хозяйствственно-культурные типы (кочевой скотоводческий и оседлоземледельческий с весомой долей развитого ремесла и торговли), между которыми длительное время отчётливо сохранялись этнические границы. Однако характер и динамика этого взаимодействия во многом ещё неясны, поскольку древнетюркский период истории края скромно освещается письменными источниками и остаётся мало обеспеченным археологическими данными.

Характеристика источников

Недвижимые памятники раннесредневековых кочевников Семиречья представлены несколькими видами: 1) курганными могильниками; 2) культовыми мемориалами – ритуальными оградами и насыпями с каменными изваяниями, стелами и балбалами, а также монументальными сооружениями «каганско-княжеского» типа; 3) стационарными горными поселениями и сезонными стоянками; 4) наскальными изображениями и тамга-Петроглифами; 5) наскальной древнетюркской рунической и согдийской эпиграфикой. При целостном взгляде нельзя исключить из рассмотрения остатки городов, караван-сараев и неукреплённых сельских поселений оседлого населения того же времени, вокруг которых наблюдается группирование памятников кочевой культуры.

Поскольку интегрированное исследование всех компонентов древнетюркского культурного комплекса в Семиречье никогда не проводилось, степень их изучен-

ности остаётся различной. Захоронения и погребальный обряд кочевников наименее изучены и представлены материалами небольшого количества курганов, выявленных и исследованных в разные годы на правобережье р. Или и в предгорной зоне Тянь-Шаня [Кушаев, 1956, с. 218–220; Максимова, 1960; Шербаев, Буранбаев, 2021]. Обнаружение погребений с конём чаще происходило случайно, в ходе хозяйственных, строительных работ, что неизбежно сказывалось на полноте полученных данных [Агеева, Джусупов, 1963; Курманкулов, 1980, с. 191, см. примечание 1]. Попытки систематических раскопок курганных могильников предпринимались в наши дни [Досымбаева, 2006, с. 26, 51], но оказались малорезультативными ввиду разграбленности многих погребений – обстоятельства, тесно связанного в Семиречье с волной хищнических раскопок памятников древнетюркского периода в конце XIX в. [Рогожинский, 2011, с. 21–23, рис. 5]. Состояние данной категории источников делает материалы из Семиречья трудноопоставимыми с памятниками других территорий, даже таких близких, как Прииссыккулье, или удалённых и сравнительно хорошо изученных, как Российский Алтай, где исследовано уже более двухсот погребений раннесредневековых кочевников [Богданов, Кубарев, 2023, с. 511].

Наиболее изученными представляются древнетюркские статуарные памятники региона, первые документальные свидетельства о которых датируются концом XIX в. [Рогожинский, 2011, с. 20–25, рис. 5]. Не утратила своей научной ценности обобщающая работа Я. А. Шера «Каменные изваяния Семиречья», несмотря на то, что среди опубликованных автором 145-ти скульптур подавляющая часть происходит из Прииссыккулья, Внутреннего Тянь-Шаня, Южного и Восточного Казахстана, то есть к территории собственно Семиречья (к этому региону относится только 14 изваяний) отношения не имеет [Шер, 1966, с. 74–125, рис. 13]. То же надо сказать о группе каменных изваяний, в том числе с уникальной «сюжетной сценой» [Чариков, 1989, рис. 2, 1, 2], которые опубликованы в разные годы А. А. Чариковым: некоторые памятники про-

исходят из Южного Казахстана, поскольку найдены в пределах Чу-Таласского междуруечья и дельты Таласа [Чариков, 1980, рис. 1, 1, 3, 4, 7, 8].

Ритуальные сооружения с каменной скульптурой, локализующиеся действительно в западной части Семиречья, стали лучше известны благодаря исследованиям и публикациям Ю. А. Мотова, А. М. Досымбаевой и К. Байбосынова [Байбосынов, 1996; Мотов, 2001; Досымбаева, 2006]. Здесь следует снова сделать оговорку, что ошибочное и произвольное «расширенное» толкование географических границ «Семиречья/Жетысу» (до Таласской долины включительно), принадлежащее А.Н. Бернштаму [Рогожинский, 2021], долгое время вводило в заблуждение археологов и историков, препятствуя распознанию подлинных черт этнокультурного своеобразия памятников раннесредневековых кочевников региона и смежных областей, особенности политического развития которых отмечают письменные источники. Достаточно вспомнить свидетельства китайских хроник о рубежном значении рек Чу и Или, когда речь заходит о территории расселения тех или иных групп западнотюркских племён в VII – первой половине VIII в. [Chavannes, 1903, р. 28; Малявкин, 1989, с. 40]. По-видимому, для выявления ареалов изваяний, отличающихся особенностями иконографии, целесообразнее пользоваться общегеографическими категориями, избегая безоговорочного применения упомянутых квазитопонимов.

Одной из ярких отличительных черт каменной скульптуры и графического искусства раннесредневековых кочевников юга Казахстана и Северного Кыргызстана признаётся популярность изображений женского персонажа в трёхрогом головном уборе [Мокрынин, 1975, с. 113, 114; Кубарев, 2021]. Картирование памятников с подобными фигурами (включая мог. Суту-Булак I, откуда происходит резная кость с изображением женщины в похожем наряде [Табалдиев, 1996, рис. 22]), указывает на их концентрацию в Западном Прииссыкулье, верховьях рек Чу и Нарын, в то вре-

мя как в дельте Таласа и среднем течении р. Чу на территории Казахстана памятники такого рода единичны [Чариков, 1989, рис. 2, 3; Мотов, 2011; Досымбаева, 2006, с. 31]. К основному ареалу относится изваяние, недавно обнаруженное на правобережье р. Чу, в 15 км к северу от городища Акбешим (Суюб), в урочище Тоспалы (рис. 2: 2), где ранее зафиксирована наскальная древнетюркская руническая надпись¹ [Тишин и др., 2020]. В Чу-Илийском междуруечье одна или две такие скульптуры найдены в горах Киндыктас [Досымбаева, 2006, рис. 13, 2, 3, фото 32], но также имеются два изображения женского персонажа в трёхрогой тиаре в долине Когалы: выбитое на лицевой стеле с «повествовательной сценой», стоявшей у восточной стенки ритуальной ограды с балбалами, и гравированная фигура на скале в составе многофигурной композиции петроглифов (рис. 2: 1, 4) [Рогожинский, 2010]. Возможно, ещё одно наскальное изображение находится в горах Ешкиолмес в Джунгарском Алатау (рис. 2: 3); незавершённый рисунок передает абрис лица и трёхрогий головной убор (петроглиф обнаружен К. Т. Исаковым в 2020 г.). Наиболее удалёнными на северо-восток от основного района сосредоточения памятников с изображениями этого персонажа являются гравюры на «кудыргинском валуне», в Бичикту-Бом, резной рисунок на скале и выбитый на лицевой стеле в урочище Апшиякты на Алтае [Кубарев, 2021, рис. 1, 1–3, 5–7], пара сидящих коронованных фигур на Сулекской писанице в Минусинской котловине [Кызласов, 1998, рис. 3, 5]. Для поминальной ограды с лицевой стелой из Апшиякты имеется радиоуглеродная дата в пределах сер. VI – сер. VII в. [Кубарев, 2017, с. 101].

Датировка и этнокультурная атрибуция женских изваяний данного типа из Семиречья вынужденно опираются на сопоставление иконографии персонажа в трёхрогом головном уборе и сопровождающих атрибутов с материалами смежных регионов, поскольку абсолютное большинство скульптур происходит из разрушенных мемориалов. Перспективным видится сопо-

¹ Оба памятника спасены от разрушения и стали известны исследователям благодаря просветительской деятельности и энтузиазму сельского учителя-краеведа Т. С. Аукеновой из с. Кунбатыс-2.

ставление иконографии женского образа на изваяниях, скалах и кости с подобными персонажами на монетах из Чачского оазиса с древнетюркской титулатурой в сoggийской легенде [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 75–90, 308, 309], а также на глиняных буллах с титулом «хатун» из Кафиркалы в самаркандском Согде [Бердимуродов и др., 2016, рис. 1; Begmatov, 2017, р. 208, 209, fig. 9; Каталог памятников, 2023, с. 232, 233].

Наконец, остаётся перспектива обнаружить в регионе хорошо сохранившиеся мемориалы с такими изваяниями, чтобы исследовать их надлежащим образом.

Типология ритуальных сооружений, в составе которых встречаются каменные изваяния, является проблемной задачей – опять-таки в связи с крайней степенью разрушенности и малоизученности известных к настоящему времени памятников.

Рис. 2. Изображения женского персонажа в трёхромом головном уборе: 1 – Когалы, лицевая стела 2; 2 – Тоспалы, лицевая стела; 3 – Ешкиолмес, петроглиф: фото К. Т. Исакова; 4 – Когалы, петроглиф: фото А. К. Солодейникова, 2012 г.; 1 и 2 – фото А. Е. Рогожинского, 2009, 2022 гг.

Большая работа по выявлению и исследованию мемориалов с каменной скульптурой в Кыргызском Алатау (Мерке) и горах Киндыктас (Жайсан) проведена А. М. Досымбаевой, которой принадлежит и основательная попытка их типологизации [Досымбаева, 2006, с. 26–31].

В целом, известные мемориальные памятники представлены двумя типами – каменными ритуальными оградами со стелами, изваяниями и, крайне редко, балбалами, а также каменными насыпями с изваяниями в центре или с восточной стороны у подошвы курганов. Однако количество хорошо сохранившихся и полноценно изученных памятников региона ещё настолько невелико, что пока рано «констатировать, что поминальные оградки на территории Семиречья отличаются значительно меньшим разнообразием конструктивных особенностей, чем подобные сооружения в Саяно-Алтае и Монголии» [Кубарев, Нускабай, 2023, с. 82]. Например, в составе древнетюркского комплекса Кулжабасы известна поминальная ограда с лицевой стелой, установленной в центре, типологической аналогией которой может являться подобный объект из комплекса Мажан в Российском Алтае [Кубарев, 1984, табл. XXXI, изв. 188]. К сожалению, каменная оградка в Кулжабасы перекопана, а лицевая стела с «повествовательной сценой» расколота современными вандалами на несколько фрагментов, но реконструируется по фотографиям почти целиком: ниже изображения лица молодого безусого мужчины с гривной на шее, в одеянии с лацканами, редкой точечной выбивкой намечена фигура персонажа, сидящего в «принципиальной позе»; позже поверх неё выбита тамга-уголок с окружностью, в свою очередь перекрытая ещё одним тамгообразным знаком (рис. 3: 4, 5). Если верна предложенная автором [Рогожинский, 2016, с. 60, рис. 1, 28] и поддержанная позже Г. В. Кубаревым [2018, с. 35, 36] интерпретация тамги-уголка с окружностью как одного из знаков племенной идентичности карлуков на Алтае, в Монголии и Семиречье, то палимпсест на стеле из Кулжабасы документирует относительно ранний возраст подобных мемориалов на юго-востоке Казахстана – до середины VIII в.

Свообразием отличается другая группа ритуальных сооружений, зафиксированных в ряде пунктов Чу-Илийских гор, которые состоят из квадратной каменной ограды с необработанной антропоморфной стелой в центре и мужским изваянием с внешней стороны восточной стенки ограды; каменная стела в оградке нередко имеет характерное расширение в средней части, напоминая выступающий живот тучного человека или беременной женщины (рис. 3: 3). Сходную архитектонику, в частности, имеет реконструированное после раскопок сооружение Жайсан 6 в долине Шатырколь гор Киндыктас, лишь с тем отличием, что стелой послужил установленный в центре ограды брусковидный «оленный» камень с сильно выветренным изображением окружности-«серьги» (рис. 3: 1, 2), но не тамги, как предполагала А. М. Досымбаева [Досымбаева, 2006, с. 54, 55, рис. 3]. Другой подобный пример – исследованный в долине Когалы мемориал с высоким антропоморфным камнем в ограде, лицевой стелой с тамгами и уникальной «повествовательной сценой» у восточной стенки ограды и вереницей балбалов, простирающейся от неё на восток [Рогожинский, 2010, с. 336–341, рис. 5–8]. В настоящее время в Когалы и горах Киндыктас известно уже несколько похожих мемориалов, исследование которых ещё предстоит.

Монументальные сооружения «каганско-княжеского» типа, подобные знаменитым поминальным храмам правителей восточных тюрков в Монголии, на юго-востоке Казахстана до недавнего времени не были известны. Предвидеть открытие таковых где-нибудь в Северном Тянь-Шане, на коренных землях «десятистрельного» объединения западных тюрков, позволяли разрозненные находки зооморфной каменной скульптуры, характерной для поминальных памятников древнетюркской знати, и местонахождение мемориального комплекса со статуей Нира кагана [Stark, 2008, S. 117, 118, Abb. 27 b; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 70, 84]. Первое открытие подобного памятника в Семиречье состоялось в 2008 г., когда в составе историко-археологической экспедиции КазНИИ по проблемам культурного наследияnomадов (рук. И. В. Ерофеева) автором и Ю. А. Мотовым у подно-

Рис. 3. Горы Киндыктас: 1, 2 – реконструированное сооружение Жайсан 6 с «оленным» камнем в ограде; 3 – антропоморфная стела разрушенного мемориала. Горы Кулжабасы: 4 – ограда с антропоморфной стелой; 5 – лицевая стела с изображением тамги. Фото А. Е. Рогожинского, 2020 г.

жия Кунгей Алатау в урочище Тасбулак (Кегенский р-н Алматинской обл.) обнаружены и обследованы остатки каменноzemляной платформы, окружённой широким рвом и валом. Правда, в первой публикации памятника историк И. В. Ерофеева, вопреки мнению археологов, ошибочно отнесла древнетюркский мемориал к остаткам одного из буддийских храмов, существовавших на территории урги джунгарских ханов конца XVII – середины XVIII в. [Ерофеева, 2009, с. 42, рис. 5].

Почти одновременно, в 2008–2009 гг., в Восточном Казахстане архитектором Э. М. Байтеновым обнаружены два мемориальных комплекса у подножья северного склона Тарбагатая: Чаган-обо на р. Керегентас и Елеке сазы у истоков р. Каргоба [Байтенов, 2012]. Археологическое обследование, описание и глазомерная съёмка плана комплекса Елеке сазы впервые выполнены под руководством А. Е. Рогожинского экспедицией КазНИИ культуры в 2014 г. [Касанов и др., 2017, с. 46–49, 80]. Дальнейшее изучение погребально-мемориального комплекса проводилось в 2019–2022 гг. коллективом казахстанских археологов под руководством З. Самашева [Самашев, 2021; Самашев и др., 2022]. Впрочем, относительно поздняя датировка комплекса Елеке сазы и его месторасположение за пределами Семиречья делают маловероятной связь этого памятника с правящей элитой западных тюрков VII – середины VIII в.

Крупная серия памятников «каганско-княжеского» типа обнаружена на крайнем юго-востоке Алматинской области, в межгорной долине р. Шалкоде (приток р. Кеген), берущей истоки на южном склоне хребта Кетмень. Здесь в ходе разведки осенью 2019 г. группой сотрудников Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством автора выявлены и обследованы остатки не менее восьми монументальных сооружений, различающихся по планировке и площади (рис. 4: 1, 2), концентрирующихся вблизи главного комплекса с каменной платформой в центре (диаметр 60 м), вокруг которой сохранился земляной вал со рвом, образующие квадрат (длина сторон 100 м). На удалении к востоку в 5 км

от этой группы сооружений зафиксированы два изваяния – мужское и женское, установленные на вершине небольших каменных насыпей и обращённые лицом на запад (рис. 5: 2, 3). На левобережной стороне долины р. Шалкоде, в среднем её течении, имеется ещё одна группа сооружений с каменными платформами (рис. 4: 3). Комплексное изучение монументальных памятников долины Шалкоде видится весьма перспективной задачей наших дней, поскольку архитектурный облик строений и место их концентрации ясно указывают, что речь идёт, по всей видимости, о локализации здесь культового центра правителей западных тюрков. Необходимо добавить, что от упомянутого выше мемориала Нири кагана (Монголкюре) в долине Текеса (СУАР, КНР) главную группу памятников Шалкоде отделяет не более 60 км горных дорог через перевалы хребта Кетмень и Темерликтай.

Стоянки средневековых кочевников в последние десятилетия в большом количестве выявлены в Чу-Илийских горах и Джунгарском Алатау в ходе планомерного обследования этих районов, осуществлявшегося в рамках нескольких научно-исследовательских программ. На горных стоянках, как правило, обнаруживаются фрагменты станковой и лепной посуды, датирующие мелкие металлические предметы (наконечники стрел, ременные украшения, монеты и пр.). Как свидетельствуют результаты разведочных раскопок в Тамгалы, Шокпар и Алмалы (материалы не опубликованы), такие памятники зачастую являются многослойными поселениями, возле которых на скалах имеются презентативные серии древних и средневековых петроглифов, встречаются тамги и древнетюркская руническая эпиграфика. В этом отношении вновь выделяется область Чу-Илийского междуречья, которая являлась привлекательной, как сказано выше, для кочевников разных исторических периодов благодаря оптимальным ландшафтно-климатическим условиям, отвечавшим нуждам кочевого скотоводства, а территориальная близость к средневековым центрам урбанизации усилила соперничество между теми или ины-

Рис. 4. Горы Кетмень, долина Шалкоде: 1 – общий вид комплекса Шалкоде на космоснимке Google; 2 – фотоплан центрального сооружения; 3 – общий вид с востока каменной платформы монументального сооружения; 2 и 3 – фото Н. Джуманазарова, 2019 г.

ми группами номадов за обладание районом, что стимулировало, в частности, практику тамгопользования.

Наиболее активно ведутся тамговедческие исследования памятников региона, которые решают вопросы датировки и этнокультурной атрибуции выявленных знаков идентичности средневековой эпохи, но наряду с этим нацелены на теоретические разработки и обобщение накопленных данных [Тамги..., 2019, с. 249–295;

Рогожинский, 2019]. Следует отметить, что углубленное изучение памятников тамгопользования средневековых кочевников сопровождается комплексным историко-археологическим исследованием тамга-петроглифов казахских племён Семиречья, сохранившим во второй половине XIX – начале XX в. кочевой уклад жизни на периферии возрождавшегося в крае урбанизированного мира. Исследование практики тамгопользования казахов, хорошо обеспе-

Рис. 5. Горы Кетмень, долина Шалкоде: 1 – вид вершины Хан-Тенгри с севера; 2, 3 – мужское и женское изваяния к востоку от комплекса Шалкоде. Фото А. Е. Рогожинского, 2019 г.

ченное археологическими, этнографическими и письменными источниками, даёт уникальную возможность рассмотреть данный феномен в деталях, которые утрачены или недостаточны для объективной интерпретации материалов по тамгам средневековых кочевников. В частности, изучение памятников недавнего прошлого позволяет установить мотивацию к созданию как одиночных тамга-петроглифов, так и целых собраний однотипных знаков или, наоборот, знаков разного вида – так называемых энциклопедий тамг, в которых соблюдается определённая иерархия знаков, отражающая статусные отличия тамгопредъявителей. Собранные материалы показали также, что возникновение новых разновидностей родоплеменных знаков, когда к основной фигуре добавлялись элементы диакритики, было не всегда напрямую связано с очерёдностью в генеалогии поколений [Рогожинский, Калдыбаева, 2024б, с. 193, 195, рис. 3, 7, 8]. Наконец, принципиальное совпадение локализации тамга-петроглифов средневековья и нового времени в историко-культурном ландшафте Семиречья говорит, по-видимому, о сходстве социокультурных и экономических факторов, активизировавших практику тамгопользования кочевников в конце I тыс. н. э., а затем так же на рубеже XIX–XX вв. Думается, именно в общественно-политической культуре казахов нового времени наиболее полно сохранились нормы применения знаков идентичности древнетюркской эпохи, что нашло отражение, в частности, в сосуществовании сословно-династических и родоплеменных символов с присущими им особенностями формообразования и функционирования.

Наиболее важным результатом изучения средневековых тамга-петроглифов представляется открытие крупной серии знаков идентичности, относящихся к категории знаков правящей кочевой элиты. В Семиречье к таковым принадлежат символы, которые выявляются по тождеству со знаками на монетах VII–IX вв. правителей среднеазиатских владений тюрков, а также тюргешей и карлуков [Тамги..., 2019, с. 407, 411, рис. 4]. Такие символы обладают

неизменяемой формой знака при многократном воспроизведении в разных материалах (как изображения на скалах и на монетах), зачастую не имеют производных форм с диакритикой, устойчиво занимают высокое статусное положение в известных собраниях знаков; наконец, веским основанием для их атрибуции служит относительная редкость по сравнению с родоплеменными тамга-петроглифами.

Систематические поиски ежегодно пополняют коллекцию тамга-петроглифов новыми находками как уже известных, так и ранее не встречавшихся типов знаков. Почти все они найдены в Чу-Илийском междуречье, то есть в основном ареале расселения кочевников, контролировавших общественно-политическую, хозяйственную жизнь раннесредневековых центров урбанизации Притяньшаня и связывавших их торгово-транспортных коммуникаций, условно именуемых «Шёлковый путь».

Широко представлены в горных ландшафтах региона средневековые наскальные изображения, среди которых выделяются отдельные серии наскальных гравюр VII–VIII вв. Уникальное панно с батальной сценой недавно найдено в горах Архарлы в юго-западных отрогах Джунгарского (Жетысуского) Алатау [Горячев и др., 2023, с. 45, 46, фото 244–247, рис. 302]. Эпическая картина сильно пострадала в наши дни от вандализма, но воссоздается по фрагментам почти целиком (рис. 6). Помимо богатого реалиями сюжета, для датировки и этнокультурной атрибуции композиции ценность представляет изображение битреугольной тамги, нанесенное на скалу ниже «фриза сражающихся». Как известно, данный тип тамги имеет особенно широкий ареал в пределах юга Сибири, Монголии и Казахстана, что даёт повод связывать её с большой группой родственных племён, обитавших на этой территории, по меньшей мере, до начала VII в. [Тамги..., 2019, с. 276–277].

В Чу-Илийских горах продолжается обследование и документирование двух выдающихся местонахождений петроглифов древнетюркского периода в долинах Когалы и Алмалы. Наряду с большим количеством

вом традиционных для наскального искусства силуэтных изображений здесь выделяются ансамбли превосходных гравированных миниатюр, созданных резчиками хорошей выучки, очевидно, прошедшими школу профессионального мастерства резьбы по камню и кости. Использование несвойственных наскальному искусству приёмов, черты согдийской иконографии в изображении персонажей выдают чужеземное происхождение мастеров, работавших по заказу кочевников в глубине Чу-Илийских гор. Данное предположение, уже ранее высказанное автором [Касанов и др., 2017, с. 214–218], ожидаемо нашло подтверждение в 2024 г. открытием двух новых памятников согдийской эпиграфики в Алмалы

(материалы экспедиции музея-заповедника «Тамгали» готовятся к печати).

Наконец, последние десятилетия отмечены возрастанием количества открытых ранее почти не известных памятников древнетюркской рунической письменности на юге Казахстана, что является результатом систематических и целенаправленных поисков. Особенно увеличилось число находок в западной части региона – в Чу-Илийском междуречье, где сосредоточено около половины известных на сегодняшний день самых значимых памятников древнетюркской письменности Казахстана [Базылхан и др., 2023]. Пока единичные находки арабской наскальной эпиграфики домонгольского (возможно, караханид-

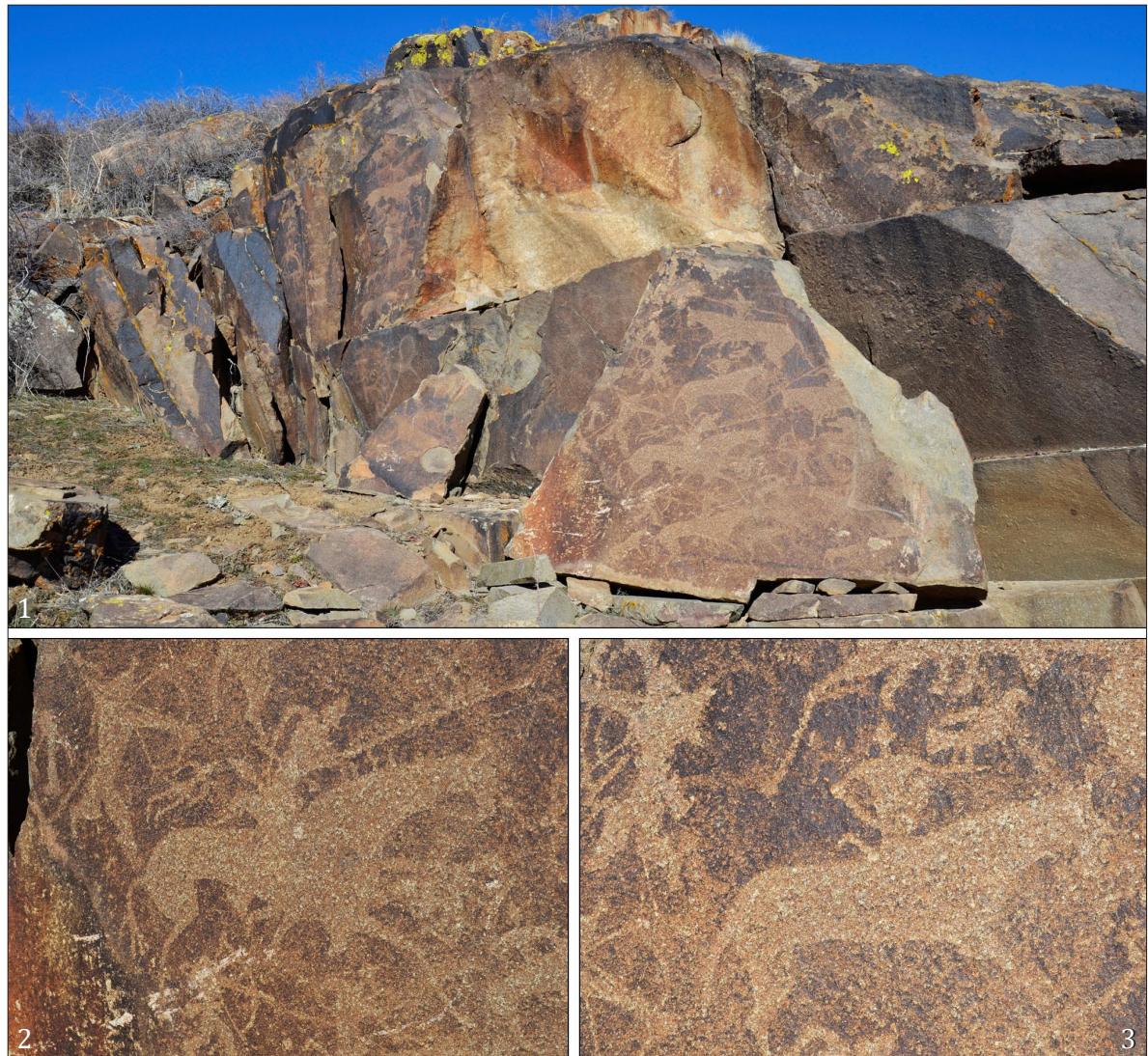

Рис. 6. Горы Архарлы. 1 – общий вид панно с батальной композицией; 2, 3 – детали батальной композиции. Фото А. Е. Рогожинского, 2024 г.

ского) времени в горных ландшафтах Семиречья обозначают ещё одно направление современных исследований культуры средневековых кочевников региона.

Выводы

Несмотря на длительную историю изучения древнетюркского археологического наследия на юге Казахстана, ещё остаётся немало дискуссионных проблем, сохраняется неравномерность в состоянии изученности памятников разных категорий. Не менее остро вырисовывается проблема сохранения памятников средневековой кочевой культуры. Современное состояние их изученности делает сложными для обсуждения вопросы выделения культурно-хронологических комплексов и соотнесения их с теми или иными группами кочевого населения, известными по письменным источникам. Получить необходимые данные для решения таких задач поможет реализация научно-исследовательских программ, предусматривающих интегрированное изучение сопряжённых в ланд-

шафте локальных групп памятников кочевой культуры: стационарных поселений и стоянок, курганных могильников и мемориалов с каменной скульптурой, тамга-петроглифов, древнетюркской рунической и согдийской эпиграфики, наскальных рисунков.

Представленная в статье сжатая характеристика памятников средневековых кочевников Семиречья не затрагивает проблемы локализации и состояния изученности объектов оседло-земледельческой и городской культуры, существующих на той же территории, – данная тема служивает специального всестороннего освещения. Однако необходимо отметить, что полноценное историко-культурное изучение региона подразумевает скординированное исследование как памятников средневековой кочевой культуры, так и памятников городской цивилизации того же периода, развивавшейся на значимом отрезке международных коммуникаций Шёлкового пути.

Литература

- Агеева Е. И., Джусупов А. Интересная находка // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия обществ. наук. 1963. Вып. 12. С. 175–179.
- Базылхан Н., Рогожинский А. Е., Камалов А., Арзиев Р. Письменная цивилизация древнетюркской эпохи и древнеуйгурского периода (VI–XIV вв.). Алматы: ОФ «МКНИК», 2023. 320 с.
- Байбосынов К. Каменные изваяния Жамбылской области. Алматы: Өнер, 1996. 176 с.
- Байпаков К. М. Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М. К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 68–84.
- Байтенов Э. М. Раннесредневековые надписи в Тарбагатае (Восточный Казахстан) // Историко-культурное наследие и современная культура. Алматы: «Service Press», 2012. С. 48–51.
- Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. 2. Ч. 1. 1024 с.
- Бердимуродов А. Э., Богомолов Г. И., Уно Такао, Бегматов А. Буллы с буддийским сюжетом с городища Кафиркала // Археология Узбекистана. 2016. № 2 (13). С. 51–60.
- Богданов Е. С., Кубарев Г. В. Раннесредневековое погребение с конем из Курайского могильника (Южный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 506–512.
- Горячев А. А., Казизов Е. С., Егорова Т. А., Гумирова О. Н. Петроглифы гор Архарлы. Алматы: Изд-во Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2023. 392 с. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XV).
- Досымбаева А. М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: Изд-во Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2006. 168 с.
- Ерофеева И. В. Памятники тибетского буддизма середины XVII – первой половины XVIII века в Казахстане: новые исследования и находки // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. материалов науч.-практ. конф. / Под ред. Б. Т. Жанаева. Алматы: «Дайк-Пресс», 2009. С. 27–47.

- Историко-культурный атлас казахского народа / Отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. 300 с.*
- Касанов З. И., Кан Г.В., Рогожинский А. Е. Символы Тюркской эпохи. Алматы: ТОО «Service Press», 2017. 304 с.*
- Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии. Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2022. 248 с.*
- Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.*
- Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрок) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Том 45. № 1. С. 93–103.*
- Кубарев Г. В. Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина» / Отв. ред. Р. М. Еркинова. Горно-Алтайск, 2018. С. 33–39.*
- Кубарев Г. В. Изображение женщины в трёхрогом головном уборе из Апшиякты и его историко-культурный контекст // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: КРИПКИПРО, 2021. С. 170–179.*
- Кубарев Г. В., Нускабай А. Раннесредневековые поминальные оградки Семиречья: новые данные // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 72–86.*
- Курманкулов Ж. К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 191–197.*
- Кушаев Г. А. Два типа курганных погребений правобережья р. Или // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Археология. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. С. 207–220.*
- Кызласов И. Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 39–53.*
- Максимова А. Г. Погребение поздних кочевников // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. С. 179–182. (Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 8).*
- Маяевкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.*
- Мокрынин В. П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе: Илим, 1975. С. 113–118.*
- Мотов Ю. А. О так называемой «Бийликульской личине» // История и археология Семиречья. Алматы: фонд «Родничок», 2011. Вып. 4. С. 165–171.*
- Мотов Ю. А. Раннесредневековые каменные оградки урочища Момбай-сазы // История и археология Семиречья. Алматы: фонд «Родничок», фонд «XXI век», 2001. Вып. 2. С. 142–149.*
- Рогожинский А. Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Рольnomадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы: б/и, 2010. С. 329–344.*
- Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: «Signet Print», 2011. 342 с.*
- Рогожинский А. Е. Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) / под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 53–63.*
- Рогожинский А. Е. Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, Средневековье и Новое время // Археология Казахстана. 2019. № 3 (5). С. 99–121.*
- Рогожинский А. Е. От «Жетысу» до «Семиречья»: рождение и трансформация значений // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 160–170.*
- Рогожинский А. Е., Калдыбаева Г. А. О границах «Жетысу» и «Семиречья» в научных трудах, казахском фольклоре и художественной литературе // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024а. № 3 (66). С. 106–115.*

- Рогожинский А. Е., Калдыбаева Г. А. Казахские тамга-петроглифы Чу-Илийского междуречья: датировка, локализация, идентификация // Археологические вести. 2024б. Вып. 42. С. 186–200.
- Самашев З. Древнетюркский культово-поминальный комплекс в Восточном Казахстане // Есикские чтения. Алматы: Қазақ университеті, 2021. С. 6–45.
- Самашев З., Онгар А., Толегенов Е., Нұскабай А., Асылбеков К., Каирмагамбетов А. Каганский поминально-ритуальный комплекс Елеке сазы на Тарбагатае // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Өскемен: ШҚО әкімдігі басп., 2022. С. 217–237.
- Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племён Тянь-Шаня. Бишкек: «Айбек», 1996. 256 с.
- Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2019. 452 с.
- Тишин В. В., Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А. Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2020. Т. 2. № 23. С. 37–53.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.
- Чариков А. А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 213–234.
- Чариков А. А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // Советская археология. 1989. № 3. С. 184–192.
- Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Фан, 2006. 328 с.
- Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1966. 140 с.
- Шербаев Р. К., Буранбаев Р. Н. Раннесредневековые захоронения кочевников в Илейской долине // Великая степь в контексте этнокультурных исследований: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар. Т. 2. Алматы: Изд-во Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2021. С. 205–210.
- Begmatov A. Divine and Human Figures on the Sealings Unearthed from Kafir-kala // Japan Society for Hellenistic-Islam Archaeological Studies. 2017. Vol. 24. P. 203–212 (*in Japanese*).
- Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux / Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1903. Вып. 6. 378 с.
- Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien (Nomaden und Sesshafte, Band 6). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. 591 s.